

«Житие Петра» — похвала этому «священноначальнику», так как будет «неправедно» «такового святителя венець не украшен некако оставити». Он размышляет о том, что ему давно хотелось «малое некое похваление принести святителю», но он из-за своей «немощи» удерживался от этого, однако за «тяжьчайшее въмених» отказаться совсем от написания «Жития Петра» Киприан, возложив надежду на бога и на помощь святого, «по делом выше меры наша приахся». Свое право написать похвалу святому Петру Киприан как бы оправдывает тем, что является его наследником: «на сего ми месте стоящю, и на его гроб зрящю, и того же ми престола наследствовавшю, его же он преже лет остави и к небесным обителем преиде».

Как уже говорилось, характеризуя киприановское житие Петра как новый образец северорусского житийного произведения, написанного в искусственно-риторическом стиле, В. О. Ключевский первым признаком этого нового стиля назвал витиеватое риторическое предисловие к житию. Отметим, что для памятников русской агиографии более раннего периода также было свойственно предисловие, в котором автор говорит о задачах своего труда, предается размышлениям на общеполитические религиозные темы, подчеркивает свое литературное бессилие и просит помощи у бога и того святого, которому он посвящает свое произведение. Такого рода предисловие встречается уже в «Чтении о житии и о погублении блаженную стратотерпца Бориса и Глеба», в «Житии» Феодосия и в житии, более близком и по времени и географически к северорусским житиям XIV в., — в «Житии» Авраамия смоленского. Таким образом, едва ли можно говорить о том, что киприановское житие Петра в этом отношении явилось новым образцом, которому стали потом следовать все агиографы.

В обоих житиях, написанных Нестором, и в «Житии» Авраамия смоленского, написанном Ефремом, авторы в предисловии обращаются к богу и просят у него помощи в предстоящем труде. Предисловие к «Житию» Бориса и Глеба Нестор начинает так: «Владыко господи, вседержителю, створивый небо и землю и вся яже на ней, ты и ныне сы, Владыко, призи на смирение мое и подай же разум сердцю моему, да съповедь оканьный аз всем послушающим жития и мучения святу стратотерпцю Бориса и Глеба. Но, о владыко, веси грубость и неразумие сердца моего, но надеюся твоему милосердию и молитвы ради святою мученику Бориса и Глеба. Елико слышах от нех (неких) христолюбец, то да исповеде, нъ да послушайте, братие, не зазрите грубости моеи».⁸⁷ Близко к этому предисловию и предисловие Нестора к «Житию» Феодосия, но в нем больше автобиографических элементов: «Благодарю тя, владыко мои, господи Исусе Христе, яко сподобил мя еси недостоинаго съповедателя быти святым твоим въгодником. Се бо испрва писавъшю ми о житии и о убиении и о чудесех святою и блаженою стратотерьпцю Бориса и Глеба, понудихъся и на другое исповедание приити, еже выше е моя силы ему же и не бех достоин — груб сы и неразумичен, к сим же яко и не бех учен никоеи же хитрости, нъ въспомянух, господи, слово твое, рекъшее: „Аще имате веру, яко и зърно горушьно, и речете горе сеи — преиди и въврзися в море, и абие послушаетъ вас“. Си на уме аз грешьныи, Нестер, прим и оградивъся верою и упованиемъ, яко вся възможьна от тебе суть, начатъкъ слову съписания положих, еже о житии преподобнаго отца нашего Феодосия, бывъша игумена монастыря сего. . . въспоминающю ми житие преподобнаго, не сущу же съписану ни от кого же, печалию по вся дни съдръжим бех и моляхъся богу, да сподобить мя вся по ряду

⁸⁷ Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Приготовил к печати Д. И. Абрамович. Пгр., 1916, стр. 1.